РУССКО-КИТАЙСКИЕ БРАКИ В XX ВЕКЕ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В. Г. Дацышен, Л. А. Кутилова
Кафедра всеобщей истории
Сибирский федеральный университет,
пр. Свободный, 82 А, Красноярск, Россия, 660041

В статье практически впервые объектом исследования становится история смешанных русско-китайских браков в России и СССР, тема раскрывается через сложные обстоятельства русско-китайского взаимодействия в XX веке; основывается на анализе материалов федеральных, региональных и местных архивов главным образом Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: русско-китайское взаимодействие, китайская миграция, китайская община, смешанные браки, русско-китайские семьи.

Тема смешанных российско-китайских семей до настоящего времени практически не привлекала специального внимания историков, иногда освещалась в работах по разным аспектам истории русско-китайских отношений [1], коротко затрагивалась авторами в исследовании по региональным аспектам русско-китайского взаимодействия [2]. Причем в исследованиях речь чаще идет о современности [3, 4, 5]. В то же время тема вызывает интерес у СМИ, Интернет-сообщества, вызывая к жизни рассуждения о том, что смешанный российско-китайский брак является идеальной формулой: в нем сочетаются лучшие качества мужа-китайца и жены-россиянки [6]. Среди положительных качеств мужа-китайца обычно называют трудолюбие, заботу о семье, здоровый образ жизни. Иногда такой образ тиражируется в рекламе, становясь предметом острой дискуссии.

Нам представляется, что новая китайская миграция в постсоветской России во многом опиралась на старую историческую миграцию и фундамент смешанных браков первой половины XX века, а исследование этого феномена современности невозможно без опоры на знания о ее истории и эволюции, в том числе таких компонентов как смешанные русско-китайские брачные союзы.

Феномен появления и функционирования смешанных российско-китайских браков, представляя собой пример русско-китайского взаимодействия, безусловно, должен стать объектом исследовательского интереса, он может быть рассмотрен с позиций и этнологии, и демографии, и истории. Внимание к антропологической стороне истории заставляет исследователей чаще обращать внимание на проблемы семьи, брака; кросскультурные браки в этой связи тем более интересны, что позволяют анализировать их новые модели, взаимовлияние традиций, примеры воспитания детей и другие важные вопросы их существования.

Цель представленной работы проанализировать причины появления и описать модель русско-китайских браков в истории русско-китайских отношений XX века, опираясь главным образом на материалы Сибири и Дальнего Востока.

Источники. Основными источниками стали документы архивов, зачастую впервые вводимые в научный оборот, публикации средств массовой информации, статистические материалы, в том числе данные переписей. Из архивных документов отметим разного рода регистрационные листы, торговые патенты, удостоверения и справки, которые для многих китайских мигрантов в России выполняли роль своеобразных удостоверений личности и др. Уникальным источником стали также публикации брачных газет.

Исследование. Типической чертой китайской мигрантской общины в России был ее главным образом мужской состав. Причем речь идет о холостых мужчинах трудоспособного возраста. Так, перепись 1926 г. зафиксировала 1360 советских китайцев-

мужчин и всего 49 советских китаянок, а на 2129 зарубежных китайцев приходилось в это время 22 соотечественницы [7. С. 12]. Но даже из этого незначительного числа «китаянок» почти половина из них указали русский язык в качестве родного, вероятнее всего при переписи к категории «китаянок» причислили русских жен китайских мигрантов. Исследователь Д. А. Владимирова, анализируя ситуацию в Хабаровске, также отмечает значительное преобладание мужчин в составе группы мигрантов: в 1900 г. здесь «числилось 2100 мужчин и только 7 женщин китайской национальности» [5. С. 111]. Большая часть китайцев по документам были холостые, некоторые указывали, что имеют семью в Китае [4. С. 395, 5. С. 132-141].

Однако, начиная с начала XX в., растет число случаев вступления китайцев в брак с русскими женщинами. В Красноярске в это время лишь у одного китайца Лю Кинхай жена была не из России. Преобладание мужчин в китайской общине заставляло при поиске спутниц жизни обратить внимание на местных женщин, в первую очередь русских. Так, в Томске в начале XX в. проживали Петр Михайлович Лю-бо-нянь с женой Еленой Васильевной и дочерью Антониной, а также Василий Ян-цзин-ли с женой Лукией [8. С 163]. Данные по Енисейской губернии также свидетельствуют о существовании смешанных браков. В 1916 г. в Енисейской губернии 39-летний православный китаец-торговец Чи-Зунь-ду проживал с 25-летней женой Евдокией Ивановной [9. Л.59]. 27-летний православный китаец Андрей Сюзосин в 1916 г. (Сюй-Со-Си) в Ачинске женился на 17-летней Александре Матвеевне Бойченко [10. Л. 152].

Тенденция увеличения смешанных браков в 1920-е гг., как представляется, была связана с убылью коренного мужского населения в ходе Первой мировой и гражданской войн. Не удивительно, что браки с русскими женщинами более активно начали заключаться как раз в период гражданской войны.

Рассмотрим конкретные примеры смешанных браков и социальное происхождение женщин, вступающих в брак с китайцами в этот период.

В Забайкалье в начале XX в. были зафиксированы случаи вступления в брак китайцев с вдовыми казачками. Например, в Ундинской станице Нерчинского округа жил китайский подданный Шаусан Ло-го, который занимался крестьянским хозяйством и торговлей мануфактурой. Он был женат на дочери казака Шелопугинской станицы вдовой казачке Дарье Кузьминичне Гусевой [11. Д. 385]. В браке детей не было. Николай Спиридонов Ван-чао-лин в 1910 г. в Красноярске женился на дворянке Е. Л. Лучинской [12. Д. 97. Л. 106]. Позднее он развелся с первой женой и был повенчан вторым браком со священнической вдовой Маргаритой Артуровной Коргаполовой [там же].

Однако гораздо чаще женами китайцев становились крестьянки. В прошении о принятии русского подданства приехавший из Шаньдуна на заработки «Китайский подданный Тхан-джен-чин, по св. крещению Георгий» писал, что он, проживая в Забайкалье несколько лет, работая на приисках и железной дороге, вполне освоился с русскими, изучил язык, а в качестве аргумента для получения гражданства, отмечал, что «женат на крестьянке Тырготуевской волости и имею сына» [11. Д. 14364. Л. 2].

Будучи в большинстве своем временными трудовыми мигрантами, подавляющее большинство китайцев оставались в России, а затем СССР гражданами Китая и не связывали свое будущее с чужой для них страной. При наличии достаточных средств они всегда стремились вернуться на родину даже из отдаленных от границы районов. Например, приехавший в Забайкалье в 1914 г. из Шаньдуна чернорабочий Чжан-Зын-Лу по прибытии в 1924 г. в Красноярск на вопрос в анкете, «желаете ли уехать из РСФСР», отвечал: «Когда будут деньги, поеду». В 1926 г. он действительно выехал из Сибири на родину [12. Д. 52].

Положение китайских мигрантов изменилось после революции 1917 г. Возникла проблема вывоза китайских рабочих из России. Через Сибирь шли эшелоны с десятками тысяч китайских рабочих и членов их семей из Европейской России и Урала. Но в 1918 г. железная дорога на забайкальском участке границы была разрушена: эшелоны с китайцами застряли на станции Даурия. Известия об этом оказывали влияние на желание китайцев

покинуть Россию и Сибирь; приходилось корректировать свои планы возвращения на родину. С утверждением большевиков в Сибири число китайцев, пожелавших вернуться на родину, увеличилось. Некоторые китайцы выезжали на родину вместе с русскими женами и детьми. Так, к концу 1920 г. на станции Иркутск согласно докладу инструктора-агитатора Интернационального стола Инструкторского отдела по 5-й армии Чжан-Чжей-Хай от 11 ноября 1920 г. в теплушках оставалось 190 китайцев, в числе которых было 24 нетрудоспособных старика, 15 китаянок, 3 русских женщины и 35 детей до 12 лет. Эти рабочие эвакуировались из Екатеринбурга и находились в Иркутске к тому времени уже более двух месяцев [13. Л. 11].

Важным фактором, тормозившим обратный миграционный поток из России в Китай, была чрезвычайная бедность части китайцев. Так, в Приенисейской Сибири многие из них не имели средств, чтобы выехать на родину, некоторые уже в пути потеряли сбережения при обысках [14. Л. 159]. В силу указанных причин число китайцев в Приенисейской Сибири уменьшилось незначительно. Поэтому вопрос создания смешанных браков с китайцами здесь не потерял своей актуальности. При этом отметим, что такой выбор для многих китайцев стал средством адаптации к новым политическим условиям и более глубокой интеграции в местное сообщество в условиях потери надежды на возвращение на родину. И если в Европейской России или на Дальнем Востоке китайцы выживали посредством вступления в армию или в другие воинские формирования, то в Сибири они старались выжить, вступая в брак с местными жительницами для совместного ведения хозяйства и мелкого семейного бизнеса. Например, в декабре 1919 г. китайские мигранты совместно со своими русскими женами организовали на Петропавловской улице Томска «Кустарную папиросную мастерскую Лю-бо-фа, Ван-Цей-Ли» [15. Л. 3]. В начале 1920 г. на этом предприятии работали 10 китайских рабочих и 19 русских женщин.

О заинтересованности китайцев в русских женах свидетельствуют крайне интересные исторические источники – брачные объявления в газетах. Например, иркутская «Брачная газета» сообщала: «Состоятельный и молодой китаец хочет познакомиться с русской красивой барышней. Цель брак. Предложения направлять по адресу: к-ра «Брач. газ.» для Хао» [16. 20 июля]. В другом объявлении китаец, который характеризует себя как вполне интересного человека, «хочет познакомиться с интеллигентной русской барышней. Пишите в контору «Бр. Газ.» для «ХОАЧАН» [16. 13 августа]. Еще одно объявление размещено китайцем, который подчеркивает, что у него есть свое дело в Иркутске. Видимо это обстоятельство позволяет жениху предъявлять невесте довольно строгие требования: «Имею в виду только женщин русских, недурной наружности, скромных и не старше 22-25 лет…» [16. 23 августа]. Отметим, что в первую очередь брачные объявления размещены теми китайцами, кто принял решение укорениться в России. Но есть и те, кто предполагает с невестой выехать в Китай: «Богатый молодой солидный китаец предлагает свои услуги в качестве мужа. Карточка не обязательна. Отвечать только тем, кто поедет в Китай…» [16. 13 августа].

Интересна история «китайского подданного Ван-хесина по св. крещению Александра Николаева Попрядухина», который не строил планов возвращения на родину, а напротив решил остаться в России. Он более 15 лет проживал в Барнауле, принял православие и был женат на 27-летней А. Л. Штки. В прошении на имя комиссара он сообщает о желании усыновить «сына вдовы Баргузинской граждански (Домны) Февронии Малыгиной Владимира» и дать ему свою фамилию. Этот шаг бывшего китайского подданного связан, видимо, со стремлением получить российское гражданство, о чем он просит комиссара «сделать распоряжение» [17. Нет записи]. Перед нами история мигранта, который выбрал иную жизненную стратегию, чем подавляющее большинство его сограждан.

В советский период связи китайских мигрантов, оставшихся в России, с родиной стали ослабевать. В течение 1920-х гг. граница между двумя государствами постепенно закрывалась, а после конфликта на КВЖД в 1929 г. и образования Маньчжоу-го в 1930-х гг. пересечение границы было связано со многими трудностями. Осевшие на территории

Советского Союза китайцы стали более активно обзаводиться семьями, видимо, потеряв надежду вернуться на родину. В подавляющем большинстве мигранты вступали в брак с представительницами местного населения, женились в основном на русских. Незначительное число мононациональных браков было обусловлено практическим отсутствием женщин в среде китайских мигрантов. Браки с кореянками были редки из-за разности культур и негативного отношения к таким бракам со стороны и китайской и корейской общин [5. С. 111]. Интересное наблюдение позволяют сделать архивные документы: по мере удаления мест проживания от границы с Китаем мигранты-китайцы чаще заводили семью. Если Иркутске в 1922 г. из семи китайцев, дела которых учтены при получении документов на право торговли, пятеро не имели семьи [18. Д. 258], то в Красноярске среди китайцев, отмеченных в документах на получение торговых патентов в конце 1921 г., около половины были женаты на русских. О смешанных браках свидетельствуют и другие источники: например, документы 1938 г. о китайцах, выселенных из Уссурийской области в Синцзян и в Амурскую область. Подробные списки выселенных включают как холостых, так и в большей степени семейных китайцев, жены которых носят русские имена. Так, в «Списке китайских и советских граждан, проживающих в Уссурийской области и выселенных в Синьцзян» находим сведения о 71 русской женщине, а также их детях. Данные о смешанных семьях находим в «Списке китайских подданных и их семей, проживавших в гор. Ворошилов» в 1938 г. Указывая 135 глав семей (вместе с членами семей 192 человека), список отмечает 34 женщины, не считая детей, из которых 20 были русскими [19. Д. 20. Л. 2]. В таком же списке китайцев в Ворошиловском (Уссурийском) районе (136 глав семей, всего 203 человека) из 33 женщин 15 были русскими [там же]. Русских жен встречаем в списках китайских перебежчиков и у советских колхозников-китайцев.

Процесс создания совместных семей в 1920 гг. был отмечен и в Европейской части СССР. В 1923 г. значительная часть китайских рабочих на Донбассе (В Юзовском округе проживало около 700 человек китайцев) имели русских жен и детей. Например, на шахте № 1 Сорокинского рудника все китайцы (21 человек в возрасте от 23 до 40 лет) имели русских жен. На шахте № 2 почти у всех китайцев были русские жены, в некоторых семьях были маленькие дети [20. Л. 26-27]. В то же время на двух шахтах Изваринского рудника от половины до двух третей китайцев (на двух шахтах работали соответственно 48 и 32 китайца) были холостыми. [20. Л. 29]. Речь идет в большинстве случаев о молодых семьях, поскольку в подавляющем большинстве русско-китайских семей в 1923 г. детей еще не было, а в остальных семьях было по одному ребенку в возрасте от 1 до 3 лет. Существование смешанных семей подтверждает «Отчетный доклад за 3 месяца (октябрь-декабрь 1925 г.) о работе среди китайцев и корейцев Сталинского округа». В нем сообщалось, что из проживавших в Сталинском округе (бывший Юзовский округ в Донецкой губернии) 237 китайских и корейских рабочих (210 из них китайцы) – 192 человека (82%) были женаты на русских [21. Л. 67].

Процесс создания совместных семей в Сибири, как и в других районах СССР, активизировался в 1923-1924 гг. В архивных фондах хранятся многочисленные документы о вступлении китайцев в брак. В 1923 г. 30-летний чернорабочий из Минусинска Чжон-Юй-Мин вступил в брак с Клавдией Андроновной [12. Д. 19. Л. 585]. 32-летний Ли-сян-фу в 1924 г. в Читинском ЗАГСе зарегистрировал брак с уроженкой Самарской губернии Пелагеей Петровной Липуховой. Правда, судя по документам, Пелагея Ли-Сян-Фу еще в 1922 г. приняла китайское гражданство [12. Д. 87].

Как уже отмечалось, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в силу нарастания напряженности в отношениях СССР с соседними странами и изменением внутренней политики советско-китайская граница была практически закрыта. Напряженность усилилась после конфликта 1929 г. на КВЖД. Связь с родиной для китайских мигрантов, проживавших не только в отдаленных от границы районах, но и в приграничье, была прервана. Все меньше оставалось надежд на возвращение на родину у тех, кто планировал

это сделать. Данное обстоятельство привело к увеличению числа китайцев, вступающих в брак в восточных районах СССР. В материалах Восточно-Сибирского крайкома ВКП (б) по Усть-Карийскому району за 1933 г. отмечалось: «Абсолютное большинство восточников приехали из провинций Шандунь, Чжили и восточных трех провинций (Маньчжурия). Проживают на советской территории от 5 до 15 лет. Около 30% женаты на русских» [22. Л. 59-60]. В то же время статистика по китайским мигрантам позволяет сделать предварительные выводы о географии размещения смешанных китайско-русских семей: чем ближе к границе с Китаем, тем их меньше и наоборот: их число увеличивается по мере отдаления мест проживания китайцев от границы с их родиной. Так, «Список граждан СССР, выбывших в Китай с китайскими подданными в 1938 г и список выявленных лиц без гражданства, проживающих в г. Владивостоке в 1938 г.» указывает на то, что оставшиеся жить во Владивостоке в конце 1930-х гг. китайцы в подавляющем большинстве не имели семей, будучи «холостыми» [21. Д. 2].

Можем предположить вполне понятную ситуацию. К границе перебирались те из мигрантов, кто предполагал в будущем вернуться на родину и в этих условиях не стремился обзаводиться семьей, которая увеличивала трудности возвращения. Осевшие вдали от советско-китайской границы китайцы, видимо, потеряли надежду или приняли решение не возвращаться в Китай и стремились укорениться на новом месте проживания. Резонным в этих обстоятельствах становилось желание завести семью.

Список граждан СССР, выбывших в Китай с китайскими подданными в 1938 г и список выявленных лиц без гражданства, проживающих в г. Владивостоке в 1938 г. указывает на то, что оставшиеся жить во Владивостоке в конце 1930-х гг. китайцы в подавляющем большинстве не имели семей, указывались как «холосты» [там же].

В конце 1930-х гг. по мере близости к китайской границе процент смешанных китайско-русских семей стал уменьшаться, что стало следствием принудительного выселения смешанных семей из пограничных с Китаем районов. Так, в 1938 г. часть семей высылалась в Синцзян, часть в Амурскую область. Документы архивов содержат подробные списки выселяемых [21. Д. 3, 20, 21, 40]

В годы «большого террора» второй половины 1930-х гг. значительная часть проживавших в СССР китайцев не только стали жертвами депортаций, но пострадали от репрессий. В результате процесса пересмотра дел репрессированных китайцев они были реабилитированы, архивные материалы такого рода позволяют дополнить историческую картину существования китайско-русских смешанных семей. Например, в 1938-39 г. было арестовано 8 уроженцев разных провинций Китая, живших и работавших в Читинской области китайцев по фамилии Пан. Из них 6 человек были женаты на женщинах с русскими именами, один был холост, данных о семейном положении одного арестованного не имелось [25. Т. 5. С. 16]. Среди арестованных в Читинской области в предвоенные годы около 80 китайцев по фамилии Ян только 20 человек числились холостыми. В нескольких делах указано отсутствие данных о семейном положении. У других китайцев указаны жены с русскими именами, а иногда и с русскими фамилиями (Черепанова Ефросинья, Шолохова Парасковья, Колесникова Евдокия, Туркина Фекла, Пельменева Елена Васильевна, Бондаренко Ольга Исааковна, Рустина Ксения Леонтиевна, Шайдурова Дарья Павловна, Попова Ульяна Спиридоновна и др.).

Рассмотрим характерные черты смешанных браков.

Вступавшие в брак с русскими женщинами в 1920-х гг. китайские мигранты оставались гражданами Китайской Республики. Более того, нам не удалось выявить случаев, чтобы в этот период имеющие детей от русских женщин китайские мигранты проявляли желание принять российское гражданство.

Русские жены китайских мигрантов в документах в 1920-х гг. чаще всего указаны как домохозяйки, иногда они ведут мелкий семейный бизнес или торгуют вместе с мужьями. Причем русские жены достаточно активно осваивают предпринимательство и торговлю. Важным занятием мелких китайских семейных предпринимателей было изготовление

папирос и торговля ими. В г. Красноярске, например, многие китайцы имели постоянную мелочную торговлю бакалейными товарами на Ново-Базарной площади. Так, в январе 1922 г. патент на торговлю табачными изделиями в городе Красноярске получили 12 китайцев, шесть русских женщин - китайских жен - и одна вдова [12. Д. 197].

Несколько слов о модели смешанного брака. Чаще всего китайские мужья были старше своих русских жен. В «Списке китайских подданных и их семей, проживавших в гор. Ворошилов и Ворошиловском районе» указаны семьи, где русские жены моложе своих китайских мужей на 38 лет, на 17 лет, на 16 лет, на 8 лет, на 4 года и т. д. [19. Д. 20. Л. 3].Согласно данным, приведенным в «Списке китайских граждан, подлежащих выселению из Уссурийской области» 1938 г., разница в возрасте мужей и жен тоже довольно значительна – 12-13 лет.

Разницу в возрасте между супругами иллюстрируют конкретные данные о некоторых китайско-русских семьях Красноярска в первой половине 1920-х гг. Так, 41-летний Го-шин-тян из Шаньдуна имел 26-летнюю жену Тычкову Феодосию Ивановну и дочь Надежду 11-месяцев. У 36-летнего Ван-юн-чуна Иннокентия Ивановича была 31-летняя жена Анна Леонидовна и трое детей: Клавдия 10 лет, Евгений и Леонил 3 года [12. Д. 19. Л. 739.]. 32-х летний Ли Сянфу в 1924 г. вступил в брак с 21-летней Пелагеей [12. Д. 87]. 28-летний китайский торговец из Шаньдуна Ван-мон-ин был женат на 23-летней Александре [12. Д. 19. Л. 266]. У выходца из Чжили 28-летнего Пай-ды-чена была 19-летняя жена Клавдия [12. Д. 19. Л. 585].

Архивные документы содержат сведения о составе смешанных семей. Чаще всего в семье один-два ребенка, иногда детей нет вообще. Среди других вариантов: у 35-летнего Дя-мин-сян в Иркутске было две дочери [18. Д. 258. Л.115]; у 36-летнего Иннокентия Ивановича Ван-юн-чун и его 31-летней жены Анны Леонидовны в 1924 г. было трое детей (Клавдия, Евгений, Леонид) [12. Д. 19. Л. 739]. 43-летний иркутский врач Лев Алексеевич Бурлаков (настоящая фамилия - Цзинь) был женат на 33-летней Христине Федоровне, имел 10-летнего сына Антона и 8-летнюю дочь Ксению [18. Д. 20]. Сведений о многодетных семьях не много, дела по реабилитации китайцев лишь иногда содержат сведения о четверых и больше детях в семье [23. Т. 5. С. 16]. «Список китайцев - граждан СССР, переселяемых в Амурскую область. 1938» содержит информацию о 70 семьях, в которых 130 детей, то есть один-два ребенка на семью. В «Списке китайских подданных и их семей, проживавших в гор. Ворошилов» в 1938 г. на 135 глав семей, включая одиночек, было всего 26 детей. В таком же списке по Ворошиловскому району на 136 глав семей записано 43 ребенка [19. Д. 20. Л. 2]. Данные из «Списка китайских граждан, подлежащих выселению из Уссурийской области» подтверждают в целом указанную тенденцию, но в то же время содержат информацию о многодетных семьях, в которых по 4, 5, 7, 8 детей, что в целом не меняет типичную картину. Таким образом, суммарный коэффициент рождаемости в смешанных китайско-русских семьях невелик и несколько отличается от этого показателя в традиционной русской семье того времени. Демограф А. Г Вишневский отмечал, что в 1920-е гг. средний размер преобладавшей в России сельской семьи «составлял 5, 6 человека» и только с конца 1920-х годов размер семьи стал быстро сокращаться [24. С. 11].

Жены арестованных в конце 1930-х гг. китайцев были также значительно моложе мужей. Например, у арестованного китайца Чо Си 1887 г. рождения указана жена Сидорова Евдокия Даниловна 1902 года рождения [23. Т. 6. С. 255]. У арестованного китайца Чу Лижи, 1883 г.р. осталась жена Дмитриева Елена Яковлевна 1917 г.р. с сыном Михаилом 1936 г.р. [25. Т. 6. С. 256]. У уроженца Пекина 1880 г. р. Чо Цай осталась 35-летняя жена Мария с двумя детьми, 4-х и 3-х летнего возраста [23. Т. 6. С. 255-256], у 46-летнего китайца Тун Сян осталась 30-летняя жена Старицина и четверо детей в возрасте от 8 лет до 8 месяцев [25. Т. 6. С. 67]; у 48-летнего китайца Чу Фавын осталась 24-летняя жена Людмила с 3-летним сыном, у 50-летнего огородника из Сретенского района шаньдунца Го Сицый - 26-летняя жена Надежда и 4-летний сын Иван [23. Т. 6. С. 84] и т. д. Все они репрессированы в течение 1937-38 гг. По данным А. Соловьева, только в Читинской

области до начала Великой Отечественной войны было репрессировано более 3 тыс. китайцев, в том числе в 1937-1938 гг. расстреляно 766 человек, умерло под следствием 89, а подавляющее большинство остальных арестованных отправлены в места заключения [25]. Русские жены «врагов народа» также подвергались репрессиям. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о еще одной черте смешанного брака. Поскольку большинство репрессированных китайцев имели по 2-3 ребенка, то, учитывая тот факт, китайские мигранты не имели в России родственников (по крайней мере со стороны отца), можно утверждать, что только в Читинской области до 10 тыс. детей из смешанных китайско-русских семей выросли без одного или обоих родителей.

Репрессии в отношении китайцев привели к значительному сокращению числа китайцев в России и соответственно смешанных браков. Однако пусть и немногочисленные, но такие семьи сохранились даже в 1940-е и последующие годы. Например, в похозяйственных книгах Муйского сельсовета Баунтовского района Бурятии в начале 1940-х гг. упоминается семья 52-х летнего китайца-колхозника Георгия Ивановича Ван-ган-чен. Членами семьи записаны жена Мария Михайловна Ван-ган-чен 1901 года рождения и сын Иван Георгиевич Ван-ган-чен, 1929 года рождения [26. Д. 2]. В похозяйственных книгах Муйского сельсовета в 1949 г. указан рабочий лесоучастка Александр Владимирович Зан-фун-чин 1933 года рождения, правда, он записан как русский, но, без сомнения, здесь представлен потомок межнационального китайско-русского брака [26. Д. 7]. Послевоенные перипетии русско-китайских отношений привели к еще большему сокращению китайской общины в СССР. Однако пусть и немногочисленная, но она сохранилась. Почти все китайцы состояли в смешанных браках, их потомки часто брали русскую фамилию матери, многие из них не знали или скрывали свое китайское происхождение. Можно привести типичные примеры биографий советских китайцев. В деревне Богачёво Ирбейского района Красноярского края в 1970-е гг. жил Василий Лу-чан-сан, отсидевший в свое время в местах заключения и работавший печником. Сам Лу-чан-сан сохранял связи с родиной, переписывался с родственниками, дважды, несмотря на напряженность в советско-китайских отношениях, ездил в КНР. Однако четверо его детей носили фамилию матери – Грибушины, китайского языка китайского и, по самовосприятию и восприятию окружающими, китайцами не были. Типичной была судьба проживавшей во второй половине XX в. в Красноярске уроженки провинции Хэйлунцзян Лю Сю. Проведя 10 лет в местах заключения, она прибыла на поселение в поселок Долгий Мост Красноярского края, соединилась там с родственниками, а затем, выйдя замуж за китайца, устроилась работать поваром в Красноярске. На протяжении 70-х гг. XX в. вплоть до перестройки в Сибири, как и в СССР в целом, китайские мигранты были изолированы от родины, шел процесс их ассимиляции.

Выводы. Таким образом, мы проанализировали историю смешанных российско-китайских браков, выявив некоторые их характеристики. Их история связана с началом XX века, по крайней мере сведений о более ранних смешанных браках нет. В силу гендерных диспропорций в составе китайской общины в России речь идет исключительно о таких браках, где муж китаец, а жена россиянка. Уменьшение мужского населения в ходе Первой мировой и гражданской войн стимулировало русских женщин выходить замуж за трудолюбивых китайцев. Социальное происхождение русских жен различно – казачки, крестьянки и даже дворянки; после замужества они главным образом занимаются домашним хозяйством, иногда ведут с мужем совместный мелкий бизнес, торгуют. В таких браках жена всегда моложе (и довольно значительно) мужа, количество детей невелико по сравнению с традиционной русской семьей. Начиная с 1929 г., такие семьи стали объектом депортаций и в последующем политических репрессий; на их положении в полной мере отразились все сложности российско-китайского противостояния. На наш взгляд, тема требует дальнейшего исследования и расширения круга источников, что позволит рассмотреть ее не только в историческом, но также в демографическом и

этнологическом ключе, через проблему аккультурации и последующей ассимиляции. Среди источников подчеркнем значимость материалов личного происхождения и устной истории, что позволит выявить важные аспекты повседневного функционирования смешанной русско-китайской семьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Позняк Т. З. Половозрастная структура и семейное положение китайских иммигрантов на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX- начало XX вв.) // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск: изд-во Амур. гос. ун-та, 2002. С. 391-396.
2. Дацышен В. Г., Кутилова Л. А и др. Приенисейская Сибирь в советско-китайских отношениях (1917- начало 1980-х гг.). Красноярск: СФУ, 2016. 374 с.
3. Дятлова Е. В. Численность и структура брачных связей китайцев современного Иркутска (1989-1995 гг.) // Восток и Россия: Взгляд из Сибири. Иркутск, 1996. С. 340-342.
4. Ларин В. Л. Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья: срез 2003 года // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 67-81.
5. Владимирова Д. А. Смешанные браки россиян и граждан КНР в Приморском крае // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 111-117.
6. Китайский муж и русская жена – идеальная пара. Россия сегодня. 1 января 2018. Электронный ресурс. URL: https://inosmi.ru/social/20180118/241220757.html.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.VI. Отд.1. М.: ЦСУ СССР, 1928. 303 с.
8. Клипка К.К. Китайцы в Томске в XIX - начале XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2013. № 6 (26). С. 158-164.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1813. Енисейский губернский комиссар Временного Российского правительства. Оп. 1. Д. 16.
10. ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 6.
11. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Кукушигинский сельский комитет. Оп. 1.
12. ГАКК. Ф. Р-49. Исполнительный комитет Енисейского Губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 3.
13. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-42. Иркутский губернский Революционный комитет. Оп. 1. Д.163.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Восточный секретариат ИККИ. Д. 44.
15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 20.
16. Брачная газета. Иркутск. 1919. Январь-декабрь.
17. нет записи
18. ГАИО. Ф. Р-145. Иркутский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его Исполнительный комитет. Оп. 1.
19. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 163. Отдел виз и регистраций иностранцев управления милиции УНКВД Уссурийской области. Оп. 1.
20. Государственный архив Донецкой области (ГАДО). Ф. Р-1146. Донецкий губернский исполком совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, г. Артемовск Артемовского округа Донецкой губернии. Оп. 2. Д. 270.
21. ГАДО. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 287.
22. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Восточно-Сибирский краевой комитет ВКП (б). Оп. 4. Д. 53.
23. Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Чита: Поиск, 2007-2010.
24. Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи //Экология и жизнь. 2008. № 8. С. 9-13.
25. Соловьев А. Репрессии китайцев в восточном Забайкалье // Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Т. 8. Чита: Поиск, 2010. С. 76.

26. Муниципальный архив администрации Муйского района Республики Бурятия (МААМР). Ф. 24. Оп.1.